

Предисловие

Надия Мурад — не просто мой клиент, она моя подруга. Когда нас представили друг другу в Лондоне, она попросила меня выступить в качестве ее адвоката. Она объяснила, что не собирается предоставлять средства, что ее случай, скорее всего, будет разбираться долго, а на успех надеяться не стоит. Но, как она сказала, прежде чем я приму решение, я должна ее выслушать.

В 2014 году ИГИЛ напало на деревню Надии в Ираке, сломав жизнь этой студентке в возрасте двадцати одного года. Она видела собственными глазами, как ее мать и братьев уводят на расстрел, а саму ее по очереди покупали разные боевики ИГИЛ. Перед изнасилованием ее заставляли молиться и наносить на лицо косметику, а однажды, когда она лежала без сознания, на нее набросилась целая группа мужчин. Она показывала мне ожоги от сигарет и шрамы от избиений. И она рассказала мне, как издевавшиеся над ней боевики называли ее «грязной неверной», хвастаясь тем, что захватили женщину-езидку, а вскоре и вовсе сотрут с лица земли их религию.

Надия — одна из нескольких тысяч езидских женщин, которых ИГИЛ продавало на рынках и на Facebook, порой всего за двадцать долларов. Мать Надии была одной из восьмидесяти пожилых женщин, которых казнили и похоронили в общей могиле. Шесть ее братьев вошли в число нескольких сотен мужчин, которых убили только за один день.

То, о чем поведала мне Надия, — это геноцид. А геноцид не происходит случайно. Его планируют. До начала геноцида «Департамент исследований и Фетв» ИГИЛ изучал культуру езидов и пришел к выводу, что езиды, будучи курдскоговорящей народностью, не имеющей священного писания, являются неверными, и что их порабощение соответствует «прочному установленным правилам шариата». Вот почему, согласно извращенной морали ИГИЛ, езидов — в отличие от христиан, шиитов и некоторых других групп — можно подвергать систематическому насилию. По сути, это лучший способ избавиться от них.

Далее последовал настоящий ад в промышленном размахе с бюрократическим оттенком. ИГИЛ даже издало брошюру под названием «Вопросы и ответы относительно взятия в плен и порабощения», в которых в виде вопросов и ответов излагались основные правила.

«Вопрос: допускается ли вступать в половое сношение с рабыней, не достигшей половой зрелости?»

Ответ: вступать в половое сношение с рабыней, не достигшей половой зрелости, допускается, если она готова к сношению.

Вопрос: можно ли продавать пленницу?

Ответ: пленниц и рабынь можно покупать, отдавать или дарить, потому что это всего лишь собственность».

Когда Надия поведала мне в Лондоне свою историю, с начала развязанного ИГИЛ геноцида против езидов прошло почти два года.

Тысячи езидских женщин и детей до сих пор удерживаются в плену ИГИЛ, но пока что ни один член ИГИЛ нигде в мире не предстал перед судом за эти преступления. Их свидетельства либо утеряны, либо уничтожены. Перспективы судебного преследования выглядят далеко не радужными.

Конечно, я взялась за это дело. Вместе с Надией мы более года добивались справедливости. Мы неоднократно встречались с представителями иракского правительства, представителями ООН, членами Совета безопасности ООН и жертвами ИГИЛ. Я готовила доклады, составляла проекты документов, проводила судебный анализ и выступала с речами, призывая ООН к действию. Большинство из наших собеседников утверждали, что это невозможно: Совет безопасности годами не предпринимал никаких действий в сфере международного правосудия.

Но пока я писала это предисловие, Совет безопасности ООН принял эпохальную резолюцию по созданию группы по сбору доказательств преступлений, совершенных ИГИЛ в Ираке. Это огромная победа для Надии и всех жертв ИГИЛ, поскольку это означает, что доказательства будут сохранены и что отдельные члены ИГИЛ предстанут перед судом. Я сидела вместе с Надией в Совете безопасности, когда эту резолюцию принимали единогласно. Увидев, как пятнадцать рук поднялись вверх, мы с Надией переглянулись и улыбнулись.

Моя работа правозащитника часто состоит в том, чтобы говорить от имени тех, кому затыкают рот: от имени журналистов за решеткой или жертв военных преступлений, которым чинят различные препоны в судах. Нет никаких сомнений в том, что ИГИЛ попыталось заткнуть рот Надие, когда ее похищали, порабощали, насильовали и пытали, когда в один день убили семь членов ее семьи.

Но Надия отказалась молчать. Она бросила вызов всем ярлыкам, которые навешивали на нее со дня ее рождения: Сирота. Жертва насилия. Рабыня. Беженка. Она сама решила, кто она: Выжившая. Номинант Нобелевской премии. Посол доброй воли ООН. А теперь еще и автор книги.

С тех пор как я познакомилась с Надией, она не только обрела свой голос, но и стала голосом каждого пострадавшего от геноцида езидов, каждой изнасилованной женщины, каждого оставленного в трудных условиях беженца.

Те, кто надеялся жестокостью заставить ее молчать, ошибались. Дух Надии Мурад не сломлен, и рот ей не заткнуть. Благодаря этой книге он зазвучал еще громче.

*Амаль Клуни
Барристер
Сентябрь 2017 года*

*История моего плена и мое сражение
с «Исламским государством»¹
При участии Джанны Краджески*

¹ Террористическая организация, запрещена в РФ.

Посвящается всем езидам

ЧАСТЬ I

В начале лета 2014 года, когда я собиралась идти в последний класс средней школы, в полях, рядом с Кочо, пропали два фермера.

Кочо — небольшой езидский поселок на севере Ирака. Там я родилась и там, как я когда-то считала, мне предстояло прожить всю жизнь.

Фермеры отдыхали в тени старого домотканого навеса и не успели глазом моргнуть, как оказались в соседней деревне, населенной в основном арабами-суннитами. Вместе с ними похитители почему-то забрали курицу с цыплятами. «Может, они просто проголодались», — усмехались мы, хотя эта шутка никого не успокаивала.

На моей памяти Кочо всегда был езидским поселком. Он основан кочевниками, земледельцами и пастухами, которые пришли в эту глухомань и построили дома, чтобы защищать своих жен от пустынной жары, пока они сами пасут овец, переходя с одного пастбища на другое. Они выбрали землю, подходящую для возделывания, но в опасном месте — на дальней южной окраине района Синджар, где обитает большинство иракских езидов, и очень близко к неезидскому Ираку.

НАДИЯ МУРАД

Первые езиды прибыли сюда в середине 1950-х, когда эти земли, принадлежавшие владельцам из Мосула, обрабатывали арабы-сунниты. Чтобы приобрести их, езиды наняли юриста-мусульманина, который до сих пор почитается как герой. К моменту моего рождения Кочо разросся до поселка из двухсот семей, так тесно связанных друг с другом, что они были, по сути, одной большой семьей.

Земля, кормившая нас, одновременно делала нас уязвимыми. Кочо расположен далеко от старых поселений езидов, укрывшихся за высокой вытянутой горой Синджар. На протяжении столетий нас преследовали за религиозные убеждения; мы были зажаты между суннитами-арабами и суннитами-курдами, которые хотели, чтобы мы отказались от своего наследия и стали курдами или арабами. Я выросла ближе к Сирии, чем к нашим главным святыням; ближе к Мосулу, чем к безопасности.

До 2013 года, когда между Кочо и горой наконец-то проложили асфальтированное шоссе, дорога до ее подножия через город Синджар занимала почти час. Поездка к горе была развлечением. В Синджаре продавались конфеты и сэндвичи с бараниной, которые в Кочо не делали, и мой отец почти всегда покупал нам все, что мы хотели. В пути наш пикап поднимал клубы пыли, но мне все равно нравилось ехать в кузове под открытым небом. Я лежала на животе, пока мы не выезжали из деревни, подальше от глаз любопытных соседей, а потом поднималась, подставляла волосы ветру и разглядывала пасущийся вдоль дороги скот. Увлекаясь, я привставала все

ПОСЛЕДНЯЯ ДЕВУШКА

выше и выше, пока мой отец или старший брат Элиас не кричали, чтобы я вела себя осторожнее, а не то вывалюсь из кузова.

С другой стороны от сэндвичей с бараниной и надежной горы тянулся Ирак. В мирное время если мы не торопились, то подбрасывали какого-нибудь езида-торговца к ближайшей суннитской деревне, чтобы он продал там зерно или молоко. В соседних поселках у нас были друзья — девочки, с которыми я виделась на свадьбах, учителя, которые в течение учебного года ночевали в школе Кочо, мужчины, которых приглашали поддержать наших мальчиков-младенцев во время ритуального обрезания, и они становились для езидских семей «кирив» — своего рода крестными отцами. Врачи-мусульмане приезжали лечить нас, а торговцы-мусульмане привозили платья и конфеты, которых было не найти в немногочисленных лавках Кочо. Подростками мои братья часто отправлялись в соседние неезидские поселки на подработку.

Отношения между нами осложняли столетия взаимного недоверия. Трудно было не заметить, как гость-мусульманин на свадьбе отказывается от наших блюд, как бы вежливо ему их ни предлагали, как некоторые старые езиды не берут угощения из рук мусульман, вспоминая истории отравления. Но все же это можно было назвать дружбой. Мы пронесли ее через времена османского владычества, британское колониальное правление, эпоху Садама и американскую оккупацию. Мы, обитатели Кочо, особенно гордились своими тесными связями с жителями суннитских деревень.

НАДИЯ МУРАД

Но когда в Ираке начинались военные действия — точнее, продолжались, поскольку они, похоже, не прекращались, — эти деревни стали тучей, нависшей над нашим маленьким езидским поселком. Все старые

Отношения между нами осложняли столетия взаимного недоверия.

предрассудки переродились в ненависть, а ненависть порождает насилие. С тех пор как в 2003 году началась война Америки с Ираком, позже превратившаяся в жестокую междоусобицу, а под конец и в полномасштабный терроризм, мы все больше отдалялись друг от друга. Соседние деревни укрывали экстремистов, угрожавших христианам и мусульманам-несуннитам. Они считали езидов «кафирами», то есть неверными, которых незазорно убивать. В 2007 году экстремисты взорвали цистерну с топливом и три машины в двух езидских поселках километрах в пятнадцати от Кочо. Погибли сотни человек, решивших, что в машинах привезли товары на рынок.

Езидизм — это древняя монотеистическая религия. Она распространяется устно духовными людьми, которым поручено излагать наши истории. Многие ее элементы схожи с другими религиями Ближнего Востока, от митраизма и зороастризма до ислама и иудаизма. Но она поистине уникальна, и понять ее трудно даже тем духовным людям, которые должны ее объяснять. Я представляю себе свою религию как древнее дерево с тысячами колец, и каждое кольцо — рассказ из долгой истории езидов. К сожалению, большинство этих рассказов трагичны.

ПОСЛЕДНЯЯ ДЕВУШКА

Сегодня в мире проживает всего около одного миллиона езидов. Сколько я помню себя — и насколько я знаю то, что было до моего рождения, — мы всегда определяли себя как единый народ именно через религию. Но она же делала нас целью для более могущественных народов и групп, от оттоманов до баасистов Саддама, которые нападали на нас или заставляли перейти на свою сторону. Они оскорбляли нашу религию, утверждали, что мы поклоняемся дьяволу, называли нас нечистыми и требовали, чтобы мы отреклись от своей веры. Многие поколения езидов переживали гонения, которые должны были уничтожить нас, обратить в другую религию или просто согнать с земли и лишить нас нашего имущества. До 2014 года нас пытались уничтожить семьдесят три раза. Мы называли такие гонения османским словом «фирман» еще до того, как узнали слово «геноцид».

Так что неудивительно, что вся деревня впала в панику, когда за двух похищенных фермеров потребовали выкуп. «Сорок тысяч долларов, — заявили похитители по телефону. — Или приходите к нам с детьми, чтобы всеми семьями принять ислам». Иначе этих мужчин, сказали они, убьют.

Но вовсе не деньги заставили их жен в слезах упасть на колени перед нашим «мухтаром», или деревенским старостой, Ахмедом Джассо; да, сорок тысяч долларов — совершенно нереальная сумма, но, в конце концов, это всего лишь деньги. Мы знали, что фермеры скорее согласятся погибнуть, чем перейти в другую веру, поэтому жители заплакали от радости, узнав, что заложни-